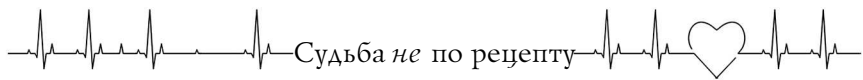

МАРИЯ
ВОРОНОВА

Повод для знакомства

МОСКВА

*Читайте романы
Марии Вороновой:*

Повод для знакомства

Клиника любви

Апельсиновый сок

Уютная душа

Мой бедный богатый мужчина

Любовь в режиме ожидания

Клиника верности и клиника жертвы

Книжная девочка

Ледяное сердце Северины

Рандеву на границе дождя

Кроткая заступница

Пропущенный вызов

Краденое счастье

Эхо первой любви

Ухожу от тебя замуж

У тебя есть я

Судьба без обязательств

Станция «Звездная»

Ангел скорой помощи

Вечно ты

Новая сестра

МАРИЯ
ВОРОНОВА

Повод для знакомства

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии
Е. Петровой

Издание осуществлено при содействии
Н. Я. Заблоцкиса

Редактор серии
Е. Дмитриева

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Повод для знакомства / Мария Воронова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221630-5

Эти мужчина и женщина из разных миров. Он — талантливый хирург, отвергнутый медицинской «элитой» из-за нежелания участвовать в аферах с оборудованием. Она — утонченная преподавательница музыки. Но однажды их пути пересекутся. Профессору Колдунову предстоит оперировать больную, а Кате — ухаживать за ней. Сможет ли Катя, прежде далекая от реальности, справиться с испытаниями, которые ждут ее в настоящей жизни? Станет ли она счастливой, услышав от мужчины слова, о которых так долго мечтала?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М.В. Виноградова, текст, 2014

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221630-5

Глава 1

Катя допивала утренний кофе с молоком. Она любила эти пятнадцать минут, когда между глотками любимого напитка можно было поразмыслить о наступающем дне. Катя протянула руку к тостеру, но тут же отдернула. Не дай бог поправиться! Несколько лишних килограммов всегда вгоняли ее в панику, она начинала корить себя за безволие и распушенность.

В кухню вошла мама. Кутаясь в пуховый платок, села напротив дочери и строго посмотрела на нее.

«Интересно, что я натворила на этот раз?» — подумала Катя. Вряд ли мама встала бы с постели в такую рань, чтобы просто пожелать ей доброго утра.

— Ты сегодня опять едешь с Юрой? — как бы невзначай спросила мама.

Катя помедлила с ответом. Сосед по лестничной клетке купил машину. Оказалось, что по дороге на работу он проезжает мимо Катиного музыкального училища, вот и завел привычку подвозить ее по утрам. Мама была этим недовольна. Даже зная ее строгие жизненные принципы, Катя не могла сообразить: что же такого плохого она делает, пользуясь Юриной добротой?

— Так ты едешь с ним?

— Наверное.

— Лучше бы тебе этого не делать. Юра — не нашего круга. Не нужно у него одалживаться. Катя, разве ты не знаешь этих людей? Если он тебя пару раз подвезет, то будет считать, что ты ему должна по гроб жизни.

Катя демонстративно посмотрела на часы.

— Извини, но я должна идти...

— В первую очередь ты должна прислушаться к моему совету. Катя, он же милиционер! А эти люди ничего не делают просто так. Наверняка ему что-то нужно от тебя.

— Да что может быть нужно милиционеру от учительницы музыки?

— Посмотришь.

Катя побежала одеваться. У нее была хорошая фигура, немного сухощавая, с длинными и красивыми, даже на ее собственный взгляд, ногами. Короткие рыжие волосы лежали аккуратными волнами, черты лица были правильными, но, к сожалению, терялись в обилии веснушек. Глядя на себя в зеркало, Катя часто повторяла фразу, сказанную бабушкой ее школьной подруги: «Лицо как кукушкино яйцо». В юности Катя пыталась бороться с веснушками, изводила их то огуречным соком, то масками из простокваши, то другими народными средствами (ни о каких «эйвонах» никто тогда слыхом не слыхивал).

Поступив в консерваторию, Катя смирилась со своей «пятнистостью». Купила помаду и тушь коричневатых тонов и успокоилась. Ей часто говорили, что она похожа на Николь Кидман, но Кате никогда не нравилась эта актриса.

Мама перехватила ее в дверях:

— Ты меня поняла? Я не хочу, чтобы ты ездила с Юрой.

— А что я ему скажу? Что мне мама не разрешает?

— Скажи, что тебя укачивает.

— Ладно, — быстро согласилась Катя. Из окна мама все равно не увидит, как она садится в машину.

Юра уже ждал ее, скребком борясь с наледью на стеклах. Катя невольно засмотрелась, такой он был ладненький, энергичный. В голову полезли разные мысли. «Интересно, как это он... с женщинами?..» Катя тут же покраснела.

— Помочь?

— Что ты, Катюша! Тебе же руки беречь надо. Да все уже, садись.

Юра распахнул перед ней дверцу своих новых «Жигулей». Катя полезла внутрь, смущаясь оттого, что юбка задирается и Юра видит ее колени. Она вообще чувствовала себя неловко наедине с соседом. Иногда ей казалось, что он не прочь завести с ней роман.

Вот и сейчас, искоса поглядывая на Юрино сосредоточенное лицо, Катя гадала, как он целуется... Она представляла, как это все у них будет, и ей становилось страшно и сладко.

Из автомобильной магнитола лились оскорбительные для Катиного музыкального уха звуки. Юра, похоже, ими наслаждался, даже подпевал. Весьма, надо сказать, фальшиво. Интересно, что будет, если они поженятся? В доме гремит попса, Юра с бутылкой пива на диване...

— О чем задумалась, Катюша? Боишься опоздать? Сейчас пробочку одолеем, а дальше — одним махом!

— Ничего страшного, время еще есть.

— Вот и ладненько. Куда ты, козел, лезешь? — вскричал внезапно Юра, резко виляя в сторону. — Ну и люди — в поле ветер, в попе дым!

Катя не нашла нужных слов для достойного продолжения такой беседы.

— Слушай, а ты не могла бы ребенка посмотреть? — продолжал Юра, отругавшись. — У моей подруги дочка вроде бы способная к музыке.

На Катю навалилась черная тоска. Мама в очередной раз оказалась права. Она всегда оказывалась права. Конечно, Юре проще было несколько раз подвезти соседку до работы, чем искать неизвестно где толкового педагога, платить ему деньги...

А она, дурочка, напридумывала себе неизвестно что! От осознания собственной глупости Катя рассердилась.

— Я посмотрю расписание, выберу время и вечером скажу тебе, — ровным голосом пообещала она.

— Вот спасибо!

— Не за что пока. Юра, как ты можешь слушать это? — Катя дала все-таки выход эмоциям. — Это же кошмар!

— Да? А мне нравится. Да и тебе, Кать, понравится, если ты врубишься. А то заколодило тебя на твоих симфониях.

Катя не ответила. Да, мама, к сожалению, совершенно права. Как ей хотелось считать Юру равным себе, интересным и порядочным человеком! Как она пыталась пропускать мимо ушей все мамины аргументы, как убеждала себя в том, что ее мама — вздорная! Увы, мама просто объективно смотрит на мир.

Суховато простившись с Юрой, Катя поспешила в училище. Предстоял напряженный день: две ее ученицы готовились к всероссийскому конкурсу молодых пианистов, и Катя рассчитывала на призовые места, поэтому девчонкам спуска не давала. Нельзя было забывать и про других, менее одаренных учеников: они ни в коем случае не должны чувствовать себя людьми второго сорта, которыми педагог пренебрегает. Катя понимала, что амбиции музыканта плюс подростко-

вые комплексы — гремучая смесь, способная разьесть юную душу, и очень старалась вдохнуть в учеников веру в свои силы.

До первого ученика оставалось еще несколько минут. Катя воровато огляделась, заперлась в классе и открыла окно. Пахнуло влажной питерской зимой, солнце закинуло несколько лучей в комнату, сверкнуло крышкой рояля, а Катя почти по пояс высунулась из окна и закурила сигарету. На темя ей капнуло с крыши, вода с волос поползла за шиворот, и, затягиваясь, Катя радостно подумала, что скоро весна.

В здании училища курить запрещалось под страхом увольнения, но она пренебрегала этим запретом. Больше того, если бы преподавателям разрешали дымить где попало, она скорее всего бросила бы это занятие. Ее будоражила не сигарета, а факт, что она совершает что-то недозволенное, поступает не как почтенная учительница музыки, а как трудный подросток.

— Екатерина Николаевна, вы у себя? — раздался за дверью голос Георгия Марковича, виолончелиста, и Катя от испуга чуть не вывалилась из окна.

Георгий Маркович вряд ли был старше ее, но выглядел совершеннейшим старикашкой. Характер он имел бабский, читай — вредный и подлый. Может быть, потому, что был одинок и жил с мамой, а может быть, уродился таким. У Кати ведь такая же ситуация, но она-то не обабилась!

Сначала она думала, что под неказистой оболочкой и некрасивыми поступками скрывается тонкая и ранимая душа, но после нескольких лет совместной работы пришла к выводу, что ничего там не скрывается. В том, что Жора донесет на нее директорисе, если застучает за курением в классе, можно было даже не сомневаться.

— Екатерина Николаевна, откройте, — не отступал Георгий Маркович.

— Я не могу открыть. — Катя выкинула недокуренную сигарету в окно и стала лихорадочно размахивать руками, разгоняя дым.

— Что случилось?

— Я промочила ноги! Переодеваю колготки! — рывкнула она, даже сквозь дверь чувствуя, как краснеет целомудренный виолончелист. Подобные интимности были ему глубоко чужды, как, впрочем, и другим преподавателям мужского пола. Недаром мама, побывав в ее училище, презрительно сказала: «Область стерильного выселения вида».

— Зайдите к директору, — пискнул Георгий Маркович и удалился.

Катя еще немного помахала руками, закрыла окно и отправилась на ковер.

Ян Александрович Колдунов, полковник медицинской службы в отставке, доктор наук, начальник третьего хирургического отделения, боролся со стихией. Раковина в перевязочной страшно рычала и извергала потоки мутной воды. Неискушенный в сантехнических работах, Ян Александрович скакал вокруг новоявленного фонтана на пару с перевязочной сестрой Клавдией Ивановной, собирая воду тряпками и отжимая ее в таз.

— Долго мы с тобой без подкрепления не продержимся, — резюмировала Клавдия Ивановна, дама восьмидесяти пяти лет от роду, — диагноз-то хоть поставлен?

— Засор по стояку, мать его ети!

— А! — сказала Клавдия Ивановна, будто Колдунов снял камень с ее души, и нагнулась подтирать очередную лужу.

Ян Александрович мрачно думал, что конца этому веселому занятию не предвидится. Клавдия Ивановна еще не знала всей правды: заместитель главного врача по АХЧ отказался бесплатно направить в отделение сантехников.

— Ну как? Клавдия Ивановна, давайте тряпку, — вошла старшая медсестра Вера. Она весила чуть ли не сто килограммов, носила короткую кудрявую стрижку и всем своим обликом напоминала гигантского младенца. За вечно торчащие дыбом волосы Веру называли Ананас, и она охотно отзывалась. — Ян Александрович, так когда сантехники придут?

Вера взяла у старушки тряпку и с удивительной для ее комплекции легкостью стала собирать воду. Халат сзади натянулся и угрожающе затрещал.

— Ладно, я покурю пока, — сказала Клавдия Ивановна и вышла.

— Ну что, Ян, помощь близка?

— Не мечтай! Знаешь, что сказала эта пьянь хозяйственная? Делиться, говорит, надо! Вы, говорит, товарищ Колдунов, бабки гребете с пациентов, вот и давайте! Пятьсот рублей, и засора как не бывало. И стояк перекрыть отказался. Ваши, говорит, личные трудности!

— Вот подлюка! — От возмущения Вера бросила тряпку Колдунову под ноги, и его окатило небольшой грязной волной. — Ох, извини!

— Ничего. А ведь дашь им денег, Ананас, совсем сядут на шею. Они и так сбрендили! Будто уже в Штатах живем. Полный отрыв от реальности. Где я им эти деньги возьму? Верушка, а может, спиртом их приманить? Есть у тебя?

— Есть, конечно, но те водопроводчики, которые за спирт ходят, такого тебе натворят, что, глядя на их работу, ты сам у меня спирта запросишь.

— Тоже выход! Сейчас вмажем на троих, и пусть тут все заливает к свиньям!

— Увы, Ян, под нами хорошие люди.

— Да уж, нейрохирургам и без нас несладко живет-ся. Вот если бы под нами администрация была... Я бы краник посильнее отвернул и домой пошел!

— Ладно, попробую еще разок воззвать к светлым чувствам нашего АХЧ.

Вера стала звонить по местному телефону, а Ян с удвоенной энергией принялся собирать постоянно прибывающую воду.

— Девочек хоть пригони, пусть помогут, — буркнул он, осознав, что вероломные женщины оставили его одного сдерживать натиск стихии.

— А на посту кто будет работать, Пушкин? — огрызнулась Вера, уже накрутившая себя для разговора с АХЧ. — Але, Валера! — внезапно гаркнула она, перекрыв шум, издаваемый раковиной. — Ты чего выеживаешься? Как это — не пришлешь? Да ты вообще соображаешь? У тебя больница на куски разваливается, а ты ходишь руки в брюки, шланг в карман! Откуда я тебе деньги возьму, я их не печатаю! Мы полгода без премий. Валера, не борзей! Что ты сказал? Что?! Что?! Ах ты, подлюка! Нет, ты послушай!

Но АХЧ, видимо, не послушал, потому что Вера положила трубку с самым растерянным видом. Сейчас она напоминала младенца, у которого не только отобрали любимую погремушку, но еще и хорошенько наподдали по попке.

— Слушай, Ян, я, кажется, все испортила. Пар ушел в гудок. Он сказал, что наше отделение убыточное, никакой пользы больнице не приносит, так что, если мы тут все в сточных водах захлебнемся, никто плакать

не станет. Больше никогда нам ни одного наряда не выпишет.

— А то раньше выписывал! — Это вернулась Клавдия Ивановна, благоухающая «Беломором». — Не переживайте, дети мои, что-нибудь придумаем. Вроде бы сантехники трубы под напором воздуха продувают. Может быть, нам взять баллон с кислородом из операционной...

— Бросить его под раковину, открыть вентиль и зажечь спичку! То-то Валере будет радости, когда он завтра полбольницы недосчитается. Ему хлопот меньше.

— Нужно обзвонить все отделения над нами, чтобы они пока перевязочными своими не пользовались. Впрочем, вечер уже, и так все закрывают.

— В этот стояк еще палаты врезаны. Больных же без воды не оставишь.

— Унитазы, я надеюсь, к другой трубе подключены? — холодея, спросил Колдунов.

— Да вроде бы...

— Не слышу уверенности в голосе...

Клавдия Ивановна уселась на перевязочный стол и по-девчоночьи заболтала ногами. Ян подхватил полные ведра и собрался выносить их в туалет, но Вера остановила его:

— Ты не рассекай по отделению с помоями, не роняй свой авторитет.

— И так уже ниже плинтуса, — отмахнулся он, — пусть все видят, чем вынужден заниматься заведующий.

Ян распахнул дверь и, беспечно покачивая ведрами, вышел в коридор. Взгляд зацепил фигуру второго и последнего отделенческого врача Эрнста Михайловича Цырлина. Фигура, облаченная в куртку, быстро удалялась в сторону лестницы. «Вот паразитина!» — выру-

гался Колдунов. Конечно, он и не ждал, что косивший под рафинированного интеллигента Цырлин кинется грудью на амбразуру, но надеялся, что тот хотя бы не уйдет, пока отделение не справится со стихией.

Вообще отделение Колдунова считалось в больнице гиблым местом. Здесь лежали либо самые тяжелые больные, либо маргиналы, оторванные напрочь от нормальной жизни. Зачастую один пациент сочетал в себе оба этих признака, так что Колдунов с сотрудниками отнюдь не купались в левых доходах. Зато лечение этих пациентов требовало много времени и сил, а желающих кувыркаться целыми днями на голую докторскую зарплату находилось мало. Периодически появлялись какие-то врачи, но не приживались, быстро находили себе места получше.

Цырлин был единственным доктором, проработавшим у Яна несколько лет, причем Колдунов не знал, радоваться или огорчаться такому постоянству.

На свежего человека Эрнст производил впечатление блестящего эрудита, и поначалу Колдунов возрадовался, как дитя, что у него будет работать такой умный хирург, но быстро разочаровался. Цырлин постоянно читал специальную литературу, но гибкости ума ему явно не хватало. Вдолбить ему в голову что-то новое было практически невозможно, зато информация, все-таки проникшая в пределы его черепной коробки, застревала там намертво. А главное, Цырлин не умел принимать решения.

Он часами обсуждал больного, приводил аргументы и контраргументы, даже выдавал небольшой литературный обзорчик по новейшим медицинским журналам, но на вопрос «что делать?» всегда приходилось отвечать Яну.

Зато после того как Ян принимал решение и оно претворялось в жизнь, Цырлин убедительно доказывал, что решение это было ошибочным и Ян — необразованный вояка. То, что больной поправлялся, Цырлин каждый раз объяснял случайностью.

Именно благодаря своей инертности Эрик до сих пор и трудился у Колдунова. Будь он посообразительнее и порешительнее, давно бы ушел.

— Ян Александрович? — окликнула его незнакомая женщина.

Колдунов быстро оценил высокий рост, безупречную фигуру, выпирающую из тесной блузки грудь, совершенной формы ножки, броский макияж, пышную прическу из разноцветных волос и с удовольствием признался, что он действительно Ян Александрович.

— С полными ведрами на счастье. — Женщина широко улыбнулась. — Меня к вам из первой хирургии перевели работать.

— Врачом?

— Типа того.

Ян не мог сдержать вздоха разочарования. В кадрах ему давно обещали заполнить врачебную ставку. Колдунов, конечно, не питал иллюзий, что ему пришлют опытного и грамотного хирурга с хорошим характером, но надеялся, что это будет хотя бы мужчина. А тут девица со стажем не больше пяти лет да еще явно не озабоченная лечебным процессом! Теперь Ян с совсем другим чувством разглядывал ее личико и другие части тела.

— Проштрафилась? — нежно спросил он.

— Ясен пень. — Девица энергично передвинула во рту жевательную резинку. — С такой поляны люди сами не сваливают.

— И что же ты натворила, прелестное дитя? — поинтересовался Ян. — Деньги взяла и не поделилась или по любовному делу?

— Да так...

В этот момент дверь перевязочной распахнулась и в коридор выскочила Вера.

— Ян Александрович! Где вы застряли? Нам воду некуда сливать!

Хорошее воспитание не позволило Вере выразиться так, как ей бы хотелось, но по покрасневшему лицу и волосам, торчащим больше обычного, Ян понял, что старшую сестру обуревают сильные чувства.

— Пардон. — И он с ведрами отбыл в сторону туалета.

Когда Колдунов вернулся, новый доктор, позвякивая многочисленными украшениями и оттопырив пятую точку, азартно ползала под раковиной с тряпкой.

— Уже трудишься?

— Да, как бы приступила. А водопроводчики когда подгребут?

— Водопроводчики, — каменным голосом произнесла Клавдия Ивановна и глубоко вздохнула, — не подгребут.

— Не поняла?

Ян вкратце объяснил диспозицию.

— Давайте сунем им в зубы пятихатку, и всех делов!

— Не будем мы давать им никаких денег! — взвилась Вера. — Они обязаны ликвидировать засор бесплатно!

— Да! Когда меня вызывают в другое отделение консультировать, я же не требую за это денег. Иду бесплатно, бывает, и оперирую.

— Ну так вы, в натуре, не водопроводчик. Доктор же, не хвост собачий, — сказала новая докторица из-под раковины.

— Лучше бы я был водопроводчиком. Нет уж, никаких денег они от меня не дождутся. Из принципа!

— Так это чего, у вас принципы такие, чтобы стоять в дерьме по колено?

Ян с Верой и Клавдией Ивановной переглянулись.

— Куда мы денемся с подводной лодки? — продолжила наглая девица. — Вечно тут тусоваться, что ли? Лично я домой хочу.

— С другой стороны, Ян... Девка права, — вступила Клавдия Ивановна, — поставила нас администрация в позу, так тут уж, как говорится, не суетись под клиентом.

— Ясен пень! Скинемся на троих по сто шестьдесят пять рублей, бабушку в долю брать не будем, да и все. С больных потом стрясем.

Ян в немом восхищении смотрел на новую коллегу. Человек, способный разделить пятьсот на три в уме, казался ему существом высшего порядка.

— Чего это ты бабушку в долю брать не будешь? У бабушки, к твоему сведению, военная пенсия и зарплата поболее твоего! — сварливо сказала Клавдия Ивановна.

— И у меня военная пенсия, — похвастался Ян Александрович.

— Давайте еще посчитаем совокупный доход каждого и высчитаем, по сколько будем сбрасываться. Я звоню, короче, Валерке. Капитулирую!

И Вера схватила телефонную трубку.

— Мы с Яном, как пенсионеры, по сто пятьдесят, а вы, девчонки, по сотне, — сказала Клавдия Ивановна.

— Валера, гнида, — так Вера пыталась сохранить лицо, — давай, пей нашу кровь. Срочно присылай нам специалиста, деньги будут. Но ты, ты... Попробуй только сунуться к нам с какой-нибудь болячкой! Мы тебя по полной программе разведем, по максимальной цене! Будь спокоен!

После расчета с водопроводчиком Ян Александрович уже не мог позволить себе с шиком проехаться домой на маршрутке. Он, как истинный пенсионер, тосковал на остановке в ожидании автобуса. Было темно и холодно, фонари горели слабо, как лампочки в пыльном чулане. Ян смотрел на светящиеся окна домов и представлял, какая уютная и счастливая жизнь происходит за этими окнами. Там ласковая жена, озорные, но любящие и любимые дети, запах пирогов из кухни и теплый плед. Из всего этого у самого Яна имелся только теплый плед.

От жалости к себе, неприкаянному, он закурил, хотя тысячу раз зарекался не дымить на улице.

Около него остановилась черная «Волга» и посигналила. Приглядевшись, Ян Александрович узнал служебную машину главного врача. Он подошел, открыл заднюю дверь и засунул голову в салон:

— Здравствуйте, Алевтина Васильевна.

— Подвезти, Ян Александрович?

— Премного благодарен.

Отказ выглядел бы глупо и нелепо. Ян выбросил сигарету и уселся, стараясь, чтобы его бедро не соприкасалось с бедром главного врача.

— Вы, кажется, живете недалеко? На Ивановской?

— Совершенно точно. И как вы только помните?

— Ну, я наперечет знаю своих сотрудников с таким большим творческим потенциалом, — ядовито сказала Алевтина Васильевна, и Ян немного смутился.

Главный врач откинулась на спинку сиденья и закурила, непристойно вытягивая губы. Она была необыкновенно красивой женщиной, в Голливуде ее приняли бы как родную. Алевтина Васильевна могла бы свести с ума любого мужчину, даже не такого страшного бабника, как Ян, и она прекрасно это знала.

Элегантно, насколько это было возможно на заднем сиденье автомобиля, она закинула ногу на ногу, так что строгая юбка поднялась значительно выше колена. «Какого черта я сел к ней в машину?» — раздраженно подумал Ян.

* * *

Катя не любила посещать директора музыкального училища. Она прекрасно знала, что является одной из лучших преподавательниц фортепиано в городе и работает почти безупречно, но все равно боялась. Больше всего — того, что вскроется ее ужасная тайна: она дает частные уроки в своем классе после обязательных занятий. Это было бы трагедией, ведь левый заработок составлял основную часть ее дохода, и Катя уже привыкла жить на сравнительно широкую ногу. Перенести частные уроки к себе домой она не могла, мама категорически запрещала это, поэтому Катя жила в постоянном страхе.

Кроме того, даже если вызов к директору не был связан с ее разоблачением, то ничего хорошего, кроме нудных поручений распределить педнагрузку, ее там все равно не ждало.

— Екатерина Николаевна, дорогая, садитесь! — Директор училища, пожилой дядечка шарообразного вида, бывший трубач, встретил ее необыкновенно радушно. — Не хотите ли кофейку перед началом рабочего дня? Я сам варю. Покупаю только зерна, мелю их